

ВОЕННЫЕ
МЕМУАРЫ

1904
1905

Барон
фон Теттау Э.

ВОСЕМНАДЦАТЬ
МЕСЯЦЕВ
С РУССКИМИ ВОЙСКАМИ
В МАНЬЧЖУРИИ



Военные мемуары (Вече)

Эберхард фон Теттау

**Восемнадцать месяцев с русскими
войсками в Маньчжурии**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)521

фон Теттау Э.

Восемнадцать месяцев с русскими войсками в Маньчжурии /
Э. фон Теттау — «ВЕЧЕ», 2026 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-6064-7

Автор книги майор германской армии барон фон Теттау был прикомандирован в качестве наблюдателя к русской Маньчжурской армии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. В своих воспоминаниях он подробно описал ход боевых действий от сражения при Тюренчене (на реке Ялу) до Ляоянского сражения. Кроме воспоминаний в книгу также включена его военно-аналитическая работа «От Мукдена до Портсмута. Поучения и выводы из Русско-японской войны».

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-4484-6064-7

© фон Теттау Э., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Восемнадцать месяцев с русскими войсками в маньчжурии	6
Предисловие	6
Глава I В Петербурге	8
Глава II Через Сибирь на театр военных действий	12
Глава III В главной квартире штаба и у главнокомандующего	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эберхард фон Теттау
Восемнадцать месяцев с русскими
войсками в Маньчжурии

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

Восемнадцать месяцев с русскими войсками в маньчжурии

Предисловие

Я не собираюсь писать историю Русско-японской войны, для этого я не чувствую себя призванным. Хочу только рассказать то, что я пережил и испытал в течение полутора лет пребывания на театре военных действий. Пребывание в столице русского царя, путешествие через всю Сибирь на Дальний Восток до вод Тихого океана и участие в походах с русскими войсками от начала до конца войны, все это вместе взятое дает достаточно материала для воспоминаний в течение всей жизни. В своих воспоминаниях я буду говорить главным образом о военных событиях. Цель, для которой нас послали, было изучение военного дела на практике, поэтому я и уделяю значительное место в этой книге военным операциям. Вполне сознаю, что моя задача нелегка. Не представляет большого труда описать победоносный поход, в котором принимаешь участие как представитель иностранной армии, но, к сожалению, этот поход таковым не был. Я лишен удовольствия говорить об успехах армии, гостеприимством которой пользовался 1½ года. Описание же военных событий имеет только тогда значение, когда о них судят беспристрастно. Только таким образом приносишь пользу тем, кто желает изучить войну. Каждая армия может потерпеть неудачу, какую потерпела русская в этом походе. Там же, где сознают причину ее и работают над устранением этой причины, вскоре следует удача. Поэтому, если я и принужден иногда говорить о вещах неприятных для русского слуха, то делаю это не для того, чтобы оскорбить кого-нибудь, а ради самого дела, которому мы, военные, служим и которому можем принести пользу только открытым и честным изложением фактов. О том, что я никого не хочу задеть, свидетельствует все мое прошлое. Я всегда стремился возбудить симпатии к русской армии и закреплять их. Нередко меня упрекали, что я в этом слишком далеко захожу, переоценивая ее достоинства. Это я должен опровергнуть. Если я прежде говорил, что преданный, самоотверженный и относящийся с доверием к своим начальникам русский солдат является в руках хороших вождей таким материалом, какой вряд ли найдется в другой армии мира, то я и теперь это подтверждаю. Что русских все-таки постигла неудача, объясняется неумелыми подготовкой и использованием этим материалом. Привожу, однако, причину, почему русский солдат иногда не являлся таким, каким следовало ожидать: в моральном отношении он стоял ниже японского солдата; что это так, — не должно никого удивлять. Японцы сражались за святое для них дело, за будущность своего отечества; за японским солдатом стоял весь народ, вся печать. В каждом письме ему напоминали о его святом долге умереть за отечество; кто из них умирал, считался героем. Совершенно иное мы видим у русских. Никто не сочувствовал этой войне, даже в высшем обществе относились к ней равнодушно. Солдаты, в особенности из европейских войсковых частей, едва ли знали, за что они сражаются. В каждом письме с родины их спрашивали, когда они вернутся домой, чего они ищут там, в Маньчжурии. И нельзя русскому солдату ставить в вину, что при таких условиях моральная сила его ослабевала.

Надеюсь, что мой рассказ, в котором я, оставаясь верен своим симпатиям к русской армии, ничего не прикрашу, будет способствовать правильной оценке военных событий. Но не только о них я хочу говорить, так как известно, что сражения в войнах составляют исключения; в особенности в этом походе военные операции прерывались продолжительными отдыхами. Я буду рассказывать также о нашей жизни при армии в палатках, китайских фанзах и в поезде, о наших путешествиях и поездках, о странах и народах Дальнего Востока, в особенности о несчастных жителях Маньчжурии, словом, обо всем, что показалось интересным не

только мне, солдату, но и каждому, кто следил за борьбой между исполинской Россией и молодой возрождающейся державой Востока, и желал бы изучить страну, в которой эта борьба происходила, и еще в будущем, вероятно, произойдет. Итак, я надеюсь, что мои воспоминания послужат для изучения борьбы за господство на Дальнем Востоке.

Автор

Осень 1906 года.

Гор. Мангейм

Глава I В Петербурге

Для солдата, особенно при нынешнем продолжительном мирном времени, нет ничего желательнее, как воспользоваться возможностью изучить войну на опыте, приняв участие в походе чужой армии. Вот почему я был очень обрадован, когда мне в начале января 1904 года было объявлено, что я в случае возникновения войны между Японией и Россией буду прикомандирован к русской армии. Я тем более был счастлив, что только несколько месяцев тому назад мне пришлось принять участие в маневрах русских войск, и я мог надеяться, что и во время войны со стороны русских мне будет оказано то же товарищеское расположение, как и тогда. Я питал большую симпатию к русской армии, хотя ничуть не скрывал от себя ее слабых сторон. Еще на маневрах я имел полную возможность узнать, что как руководство армией, так и ее боевое воспитание оставляли желать много лучшего. Но дух был ее превосходный, и я не сомневался в том, что война окончится полной победой России. И какая это была чудная перспектива! Совершить победоносный поход в дружественной армии, изучить сибирскую железную дорогу, познакомиться с азиатскими странами и народами и вступить с победителем в Страну восходящего солнца, в ее столицу Токио! Но война еще не была объявлена. Несмотря на то, что решительно весь мир был уверен, что обостренное положение дел на Востоке неминуемо поведет к войне между Россией и Японией, русское правительство все еще продолжало надеяться на возможность путем переговоров предотвратить возникновение враждебных отношений; не допускалась и мысль о возможности того, чтобы Япония осмелилась затеять войну. Так тянулись переговоры до начала февраля. Иногда казалось, что они могли бы привести к временному соглашению; я витал между надеждой и сомнениями. Надежда эта была уже почти потеряна, как вдруг с февраля появилось известие о прекращении между Японией и Россией дальнейших переговоров и дипломатических сношений. Но даже и после этого на русской стороне еще продолжали верить в то, что войны удастся избежать, что возможно будет начать новые переговоры.

Японцы в медлительности переговоров видели лишь средство для России усовершенствовать свою боевую готовность и положили решительный конец всяким попыткам к сближению. Без предварительного официального объявления войны адмирал Того в ночь с 8 на 9 февраля напал со своими торпедными лодками на стоявшую в порт-артурском рейде русскую эскадру. Три русских броненосца были до того повреждены, что на многие месяцы стали непригодны к бою. В тот же день русские крейсера «Кореец» и «Варяг» были настигнуты у Чемульпо адмиралом Уриу и были пущены ко дну своим же экипажем. Эти первые тяжелые потери русского флота, к которым несколько дней спустя присоединилась гибель двух меньших судов, натолкнувшихся на собственные мины, имели важное влияние на весь ход войны. Русский флот должен был временно отказаться от наступления, он не был в состоянии помешать высадке на материк японцев. Последние могли беспрепятственно перевозить свои транспорты войск. Решительное сражение должно было разыграться на суше.

Известие об открытии военных действий несказанно обрадовало меня. 10 февраля приехал в Берлин обер-лейтенант Лауэнштейн, который вместе со мной был прикомандирован к русской армии. К этому же времени мы получили приказ готовиться в путь. Задача эта была довольно нелегкая, так как никто не знал, чем нужно запастись для Маньчжурии.

О Маньчжурии у нас имели очень смутное представление. Только одно нам было ясно, что там зимой холодно и что для тридцатиградусного мороза наш шлем и шинель настолько же мало пригодны, как и наш мундир для жары в сорок градусов. Мы стали запасаться, насколько это было возможно, разным меховым платьем и теплой обувью для зимы, материей хаки для лета, походными кроватями, сеткой от москитов, намереваясь закончить наши приготовления по приезде в Петербург.

Все это мы делали с большой поспешностью, боясь опоздать к началу военных действий. Мы бы значительно умилили наше рвение, если бы только могли предвидеть дальнейшее. Хотя военный министр, генерал Куропаткин, и благосклонно относился к прикомандированным от иностранных армий, но с нашим отъездом в Маньчжурию в Петербурге не торопились, что, впрочем, было совсем неудивительно, так как любопытные гости были вовсе некстати. 21 февраля, после представления его величеству, мы отправились в Петербург, надеясь выхлопотать там разрешение на скорейшее отправление на театр военных действий. 22 февраля вечером я и обер-лейтенант Лауэнштейн, с которым до самого возвращения на родину у нас сохранилась дружба, приехали в Петербург. Нам резко бросалось в глаза, что уж тогда русские офицеры, с которыми нам случалось говорить в дороге, сомневались в счастливом исходе войны. Из газет мы узнали, что главнокомандующим маньчжурской армии назначен военный министр, генерал Куропаткин. Этот выбор казался нам очень удачным. Генерал Куропаткин пользовался как в России, так и за границей репутацией искусного полководца. До войны он долго служил в Азии, в 1904 году предпринимал экспедицию в Маньчжурию – все это дало ему возможность прекрасно ознакомиться с положением дел на Дальнем Востоке. Нам лично назначение генерала Куропаткина на этот важный пост сулило много удобств, так как мы надеялись, что он ускорит наш отъезд. В Петербурге мы поселились в английской гостинице «Англия» против Исаакиевского собора, по соседству с германским посольством. Мы были первые иностранные офицеры, прибывшие на берега Невы. Наша надежда отправиться немедленно в дальнейший путь не осуществилась. Целых четыре недели мы пробыли в Петербурге. На третий день нашего приезда мы представились генералу Куропаткину, который нас встретил словами: «Вам еще долго придется ждать, так как наместник Алексеев еще не желает вашего присутствия на театре военных действий». Когда же мы его просили причислить нас к его штабу, он нам в этом категорически отказал. «Ни под каким видом! – сказал он нам. – Алексеев был бы этим крайне недоволен. Приходите тогда, когда вы для нас будете желанными гостями. Если это случится еще при мне, я буду очень рад приветствовать вас как хозяин; в данное же время ваша просьба неисполнима; до свидания, до скорого свидания!» Мы были совершенно обескуражены таким ответом. Хотя генерал Куропаткин обещал запросить телеграфно наместника Алексеева о времени нашего отъезда, нам было ясно, что, пока на Дальнем Востоке не все еще налажено, нас не желают иметь посторонними зрителями. Мы все более убеждались, что война захватила Россию врасплох. Одна высокопоставленная особа сравнивала ее со страусом, который перед угрожающей опасностью прячет голову под крыло. Во всяком случае все сознавали всю серьезность положения. Войска в Маньчжурии, уж не говоря об их численной слабости, были к тому же совершенно не подготовлены к бою. Стрелковые полки еще не имели третьих батальонов. Артиллерию же собирались только лишь преобразовывать; со скорострельными орудиями, наскоро доставленными в Маньчжурию, они еще не умели обращаться. Хотя в России и было достаточно войска для немедленной отправки на театр военных действий, но ее соединял с последним единственный однокорейный путь более 8000 километров длиной. К тому же и этот путь не был вполне закончен, так как Кругобайкальская железная дорога только что строилась. По ту сторону Байкала был большой недостаток в вагонах, почему на этой стороне скоплялись транспорты войск. На всем протяжении до Иркутска застревали третьи батальоны восточно-сибирских стрелковых полков и четвертые батареи артиллерийских бригад. Сто пятьдесят локомотивов были посланы в Иркутск для переправы по льду Байкальского озера, чтобы пополнить ощущавшийся в них недостаток по ту сторону Байкала.

Наше невольное пребывание в Петербурге мы использовали, знакомясь с его обществом. В этом нам помогли связи поручика Лауэнштейна, бывшего восемь лет военным атташе в Петербурге.

Везде нам оказывали самый радушный прием. Симпатии к Германии после объявления войны значительно возросли. Дружески ко мне расположенный генерал-майор Сухомлинов

говорил: «Когда я раньше на деле собирался доказать свои симпатии к Германии, меня и слушать не хотели, теперь же только одно имя у всех на устах – это имя Вашего Императора». Вскоре после нашего приезда мы были приглашены на завтрак к великому князю Владимиру Александровичу. Из сыновей великокняжеской четы Кирилл Владимирович был уже в Порт-Артуре, а Бориса Владимировича мы за несколько дней до нашего отъезда проводили в Маньчжурию.

Особенную любезность оказал нам теперешний военный министр, а тогда еще начальник канцелярии Военного министерства, генерал-лейтенант Редигер. Вскоре был получен ответ от наместника Алексеева, что он ничего против нашего приезда не имеет, но ожидает нас не ранее конца марта. Но Военное министерство в согласии с начальником, заведовавшим отправкой войск на Дальний Восток, нашло, однако, возможным назначить наш отъезд спустя несколько дней после отъезда Куропаткина. Я никогда не забуду визита, сделанного мною генералу Драгомирову, к которому я всегда чувствовал особенное уважение. Еще летом 1903 года, во время моего пребывания в Киевском военном округе, он оказывал мне массу любезностей. Он тогда уже собирался уйти на покой и прощался со своими войсками. Больной, он тем не менее по нескольку часов проводил на лошади. Теперь я его нашел страшно изменившимся. Тотчас после объявления войны он, не обращая внимания на свою болезнь, отправился в Петербург, предполагая, что понадобятся его советы. В Петербурге Драгомиров заболел воспалением легких и слег. Он встретил меня очень радушно и очень обрадовался, узнав, что я с русскими войсками отправляюсь на войну. О самой же войне говорить не хотел. Было ли ему больно, что он сам не может вести войска, или обидно, что пренебрегли его советами, этого я не знаю. Вспомнив о моем пребывании на киевских маневрах, генерал сказал: «Благодарю вас от души за все то, что вы сказали про мои войска, но, барон, – прибавил он улыбаясь, – в одном вы только ошиблись, сказав, что русский солдат мало пьет; в этом вы заблуждаетесь. Помните одно: не военное искусство ведет к победе, но дух солдата и его доблесть. Ваш Шарнгорст в своих воспоминаниях о герцоге Брауншвейгском прекрасно выразился. Это был великий человек. А теперь ступайте с Богом!»

Впоследствии, в течение войны мне не раз приходилось слышать мнение, что драгомировская система воспитания войск потерпела крушение и что старый учитель русской армии несет на себе часть вины за исход войны. Очень может быть, что в своем пренебрежении к технике и стратегии он заходил слишком далеко, и что это привело к ошибочным выводам, но основа его учения, что «дух войск способствует победе», именно подтвердилась этой войной.

Что у русских войск на Дальнем Востоке не было этого духа, не подлежит сомнению. Но Драгомирова во всяком случае нельзя было за это винить.

На завтраке у генерала от кавалерии, генерал-адъютанта Струкова мы встретили знаменитого Василия Васильевича Верещагина, который также собирался на войну. Темой для разговоров служила, конечно, война. Верещагин порицал бездействие порт-артурского флота, не пытавшегося даже препятствовать высадке японцев в Корею. Офицеры возражали ему, говоря, что надо дать японцам высадиться, чтобы потом их разбить на суше. Так как Верещагина обожали тостом, я поднял бокал со словами: «Василий Васильевич, пью за долголетие изобразителя русской славы!» Шесть недель спустя Верещагин вместе с погибшим «Петропавловском» покоем на дне морском.

В разговорах всех чувствовалось пессимистическое отношение к войне. В конечной победе русских никто не сомневался, но говорили, что она потребует массу человеческих жизней и море крови. Говорили, что война может продлиться два или три года. Сам главнокомандующий выразился, что раньше, чем через полтора года, нельзя ожидать конца войны. Военное министерство было того мнения, что серьезные военные операции не могут начаться раньше конца августа. Одна высокопоставленная особа, знавшая все планы Куропаткина, сказала нам: «Пока очень важно сконцентрировать все войска в одном месте; мы постепенно будем отсту-

пать, не вступая в борьбу с неравным врагом. Таким образом мы к концу мая будем сплочены да еще получим подкрепление. Тогда же наступит дождевой период, длящийся два месяца, и на это время военные операции будут совершенно прекращены. А потом мы будем достаточно сильны для наступления».

Они рассчитывали на период дождей, как на своего союзника. Какое жестокое разочарование! Период дождей совсем не наступал, и в конце августа решилась судьба войны сражением под Ляояном...

Время в Петербурге прошло быстро в представлениях разным высоким особам и сношениях с германским посольством и с немецкой колонией. Мы воспользовались этим временем, чтобы пополнить все нам недостающее. Добытые здесь папахы и бурка оказали нам зимою неоценимую услугу. Когда в китайских фанзах от холода замерзала вода, я, бывало, закутывался в свою бурку и чувствовал себя, как у Христа за пазухой.

Наконец 12 марта Куропаткин отбыл на театр военных действий.

Несколько дней спустя и мы должны были отправиться. В день отъезда главнокомандующего мы собрались на вокзале. Царские покои были переполнены генералами, высокопоставленными лицами и дамами петербургского высшего общества. Куропаткин едва пробрался сквозь эту толпу; последовали бесконечные объятия, поцелуи и рукопожатия. Пожимая мне руку, генерал сказал: «Ваше желание исполнено, и мы скоро опять встретимся». Поезд тронулся при громовом «ура». В этот момент, вероятно, никто не сомневался, что Куропаткин вернется победителем. На вокзале же мы познакомились с вновь прибывшими иностранными офицерами, а именно, с одним австро-венгерским поручиком фон Ц. и капитанами графом Сцептики, Эдлундом и Нюквистом. Нас было, таким образом, шесть иностранных офицеров, которые должны были первыми отправиться на Дальний Восток. За два дня до нашего отъезда, 16 марта, поручик Лаунштейн и я имели честь представиться его величеству в Зимнем дворце. Наконец наступил давно желанный день отъезда.

Глава II Через Сибирь на театр военных действий

18 марта вечером мы отбыли с Николаевского вокзала на Дальний Восток. Нам выдали билет 1-го класса до станции Маньчжурии, начального пункта Восточно-китайской железной дороги. Нас провожали все посольство с графом Альвенслебеном во главе и некоторые русские офицеры. Подношения были до того обильны, что едва поместились в нашем отделении. Больше всего, вероятно, опасались, чтобы мы в Маньчжурии не умерли от жажды. Нам преподнесли две корзины пива, несколько бутылок старого коньяка и много других разных вин, так что в общем, не будь мы в военной форме, мы бы могли вполне сойти за комиссионеров от винных фирм. В Маньчжурии все эти напитки нам действительно пригодились. На следующее утро мы прибыли в Москву. После сильных петербургских морозов наступила оттепель. Так как сибирский поезд отходил только вечером, мы отправились в гостиницу «Славянский базар», а оттуда в Кремль. Древняя столица в тот серый и туманный день производила мрачное впечатление. В восемь часов вечера, купив плацкарт до Иркутска всего за 54 рубля, мы сели на сибирский поезд. Сперва нас хотели поместить вместе с скандинавцами в одном отделении. Но это было бы невозможно. Наконец, согласились предоставить это отделение нам одним.

Не стану описывать местностей, через которые нам пришлось проезжать. До Иркутска мы ехали сибирским скорым поездом. Мы прибыли туда в Вербное воскресенье 27 марта после семидневного путешествия. Вообще скажу, что местность до Иркутска, за исключением только Уральского перевала, который напоминает собою среднюю Германию, очень однообразна. Южнее Томска начинается тайга – лес, состоящий из лиственницы, сибирского кедра и березы. Однообразие тем большее, что города отстоят далеко от станции и их не видно. На больших станциях: Златоусте, Челябинске, Тайге и других царило большое оживление. Но нас интересовало нечто другое. Обгоняя воинские поезда, мы видели одну только артиллерию для восточно-сибирских стрелковых дивизий. Это были четвертые батареи из европейских корпусов. Присоединением этих батарей восточно-сибирские артиллерийские части были преобразованы в артиллерийские бригады.

В Челябинске мы встретили батарею Ровенской 32-й артиллерийской бригады, с офицерами которой мы познакомились на маневрах в тысяча девятьсот третьем году. Солдаты носили старую форму, офицеры же имели значки новых частей, т. е. восточно-сибирских стрелковых бригад. Все предполагали, что Россия воспользуется временем переговоров для мобилизации и отправки в Маньчжурию по крайней мере сибирских войсковых частей, и мы были поэтому очень удивлены, не встретив на всем протяжении пути, кроме артиллерии, никаких других транспортов. Мы узнали от солдат сибирских резервных дивизий, которых встречали на станциях, что их полки, хотя и мобилизованы, но еще не посажены в вагоны. Мы встретили еще матросов, отправлявшихся в Порт-Артур и Владивосток, и два поезда с 800 человек рабочими в каждом, отправляемых из Петербурга в Порт-Артур для исправления поврежденных судов. Рабочие эти получали в 2½ раза больше жалованья, чем в Петербурге.

Солдаты произвели на нас прекрасное впечатление своим бодрым и веселым видом. Удивительно, что этот дальний путь не повлиял на лошадей, которые также везлись в поездах. Сперва предполагали, что кавалерийским частям по прибытии их в Маньчжурию придется дать несколько недель отдыха. Но это оказалось лишним. При последних сражениях кавалерию прямо с поезда отправляли на поле битвы. Размещали по 8 лошадей в вагон, что лишало их даже возможности лежать. Но на более значительных остановочных пунктах их на время выпускали на волю. Случаев заболевания лошадей было очень немного.

Вагоны для нижних чинов были особого устройства. Это были товарные вагоны, обитые войлоком, с железной печкой посередине. В каждом вагоне помещалось по 25 человек. У солдат были полушубки, папахи и валенки. Все время нашего пути стояла прекрасная солнечная

погода, хотя ночью термометр нередко падал до 30 °Р. Солдаты большей частью имели свои походные кухни и сами готовили себе пищу. И как потом на войнегодились эти кухни! Некоторые части войск так же, как и отдельные солдаты, получали продовольствие на определенных, так называемых продовольственных пунктах. Но так как дорога тянулась неделями и на этих продовольственных пунктах редко знали точный час прибытия поездов, то люди получали обед или ранним утром, или поздно вечером.

Ежедневно отправлялись на восток не более 4-х военных поездов, в число которых входил и поезд с боевыми снарядами. Артиллерию перевозили по полубатарее. К концу войны настолько увеличилась провозоспособность дороги, что поездов могли отправлять в четыре-пять раз более прежнего. От Челябинска путь охранялся резервными войсками и ополченцами.

Мосты охраняла стража, помещенная в блокаузах. Проезжая 25 марта через Енисейский мост, мы заметили на всех устоях моста фонари, которые освещали реку и не давали никому приблизиться к мосту незамеченным. Поездка до Иркутска была довольно приятна, к тому же нам удалось удержать за собой наше отделение.

Трудно было надеяться, что и дальше так будет, почему мы и старались по возможности уничтожать наши запасы. Устройство вагонов сибирского экспресса очень удобное и напоминает наши спальные вагоны. В вагоне-буфете мы получали вкусный и питательный стол. Обещанных же рекламой Сибирской железной дороги ванной, библиотеки и помещения для гимнастики я не нашел. Правда, позади кухни было какое-то маленькое помещение с ванной, там же шкаф с книгами и несколькими гириями. Но помещение это было занято поездной прислугой. К далеким путешествиям по железной дороге можно привыкнуть быстро, и позднее наши поездки из Маньчжурии во Владивосток или Хабаровск, продолжавшиеся 4–6 дней, казались нам увеселительными прогулками, вроде поездок из Берлина в Потсдам. Мы старались использовать всякий случай, чтобы доставить себе возможность двигаться; мы выходили на каждой значительной станции, и всюду нам приходилось наталкиваться на много интересного. На всех станциях мы встречали транспорты войск, по которым могли приблизительно судить о движении армии; мы, конечно, хотели обо всем быть осведомленными: куда?.. зачем?.. какой дорогой?.. надолго ли?.. и т. д., но приходилось расспрашивать очень осторожно, чтобы не быть заподозренными в чрезмерном любопытстве. Мы научились искусно скрывать нашу любознательность. Русский писатель Немирович-Данченко, который ехал с нами в одном поезде, посылая заметку в газету «Новое время» о любопытстве иностранных военных атташе, отозвался о нас, что «оба немца держали себя так, как будто были у себя дома; они ничего не спрашивали, они все знали».

Нашими спутниками были большей частью офицеры, врачи и чиновники. От Томска до Иркутска с нами ехал командир 2-й Сибирской стрелковой дивизии. От него мы узнали, что как его дивизия, так и 3-я Сибирская резервная дивизия не получали еще приказа выступить. В нашем вагоне находились также несколько инженеров, работавших на Кругобайкальской железной дороге. Они говорили, что путь будет окончен не позже 1 сентября. Было кроме этого в поезде несколько корреспондентов, купцов и женщин. Один морской доктор всю дорогу занимался тем, что прививал всем своим спутникам оспу.

В Вербное воскресенье 1904 года достигли мы Иркутска, конечной станции Сибирского экспресса. По ту сторону Байкала ходили только одни воинские поезда. В Петербурге нам рассказывали, что нередко на озере внезапно образуются широкие трещины во льду, и целые транспорты проваливаются; говорили, что от сильных морозов погибают люди и лошади, и трупы их привлекают собак и ворон. Возможность замерзнуть действительно существовала, так как морозы все время доходили до 30° по Р. Еще до Иркутска мы приготовили все бывшие с нами теплые вещи.

В 12½ ночи мы прибыли в Иркутск, где меня ждала телеграмма моей жены. Это была первая весточка с родины с тех пор, как мы покинули Петербург. Ночь мы провели без сна.

На вокзале было до того много людей, что мы едва раздобыли себе стулья. Утром поезд доставил нас на станцию Байкал. Ангара вследствие сильного течения была частью открыта, частью загромождена льдом. Прекрасную картину представлял из себя дикий зимний ландшафт и освещенные солнцем купола и башни лежавшего в ту сторону Ангары Иркутска. К счастью, морозы уменьшились. На станции Байкал, куда мы прибыли в 8 часов утра, термометр показывал всего 12°. Вся поверхность огромного озера была покрыта льдом, блестящим на солнце как зеркало. На юге озеро окаймляли горы, круто спускавшиеся к воде. Оба больших ледокола, «Байкал» и «Ангара», поддерживавшие сообщение между обоими берегами, теперь стояли в стороне, сдавленные ледяной громадой. Сообщение поддерживалось исключительно на санях, запряженных в одну, две и три лошади. По льду по направлению к Востоку двигались целые караваны транспортов. В январе, когда лед уже был достаточно крепок, по нему проложили рельсовый путь, соединивший станции Байкал и Танхой. Попытка пустить локомотив была неудачна: он провалился. В короткое время через озеро переправили на лошадях 150 локомотивов и до 2000 вагонов.

На станции Байкал мы получили билет на проезд в тройке через озеро. Каждая тройка назначалась для трех пассажиров; мест же было только для двоих, и, чтобы избежать неудобства и не брать к себе третьего пассажира на колени, нам пришлось уплатить лишних три рубля. Это были маленькие сани без сидений. Впереди мы положили наш ручной багаж, который благодаря нашим стараниям значительно уменьшился в объеме. Хотя наша тройка имела только двух лошадей, но мы тем не менее стрелой мчались по озеру, обгоняя на каждом шагу других путешественников, обозы и транспорты. Впереди нас двигалась длинная цепь пехоты, которую мы скоро обогнали. Это были третьи батальоны 10-го и 11-го восточно-сибирских стрелковых полков. Они, так же как и обе стрелковые бригады, были образованы из частей европейских армейских корпусов. Войска совершали расстояние в 45 километров за один переход. Солдаты были снабжены полушубками и валенками. При некоторых ротах находились их офицеры. Порядок был образцовый. Каждому солдату разрешалось иметь с собой сундучок с вещами, составлявшими все его имущество. Эти сундуки везлись на санях позади войск. На половине дороги делался привал, это место носило название «середина». Тут солдатам раздавали чай.

Тут же находилась наскоро сколоченная из досок изба – нечто вроде гостиницы, где толпились масса офицеров, сестер милосердия, священников, газетных корреспондентов, поставщиков в армии и торговцев и проч., и проч.

Подкрепившись водкой и щами, мы отправились дальше, и в полдень достигли Танхой. От этой станции до станции Маньчжурия кроме воинских поездов ежедневно отправлялся один пассажирский. Поезд этот отходил только вечером. В нем было только полвагона первого класса, в котором все места уже были заняты. Нам и обоим скандинавцам было отведено очень грязное отделение второго класса. Пришлось нам сидеть вчетвером со всем нашим ручным багажом в этой тесной конуре; нас хоть немного да утешало то обстоятельство, что мы в наших скандинавских товарищах встретили очень милых спутников. Отправив телеграмму на родину о нашем благополучном переезде через Байкал, мы в тот же день двинулись в путь по Забайкальской железной дороге. Теперь пришлось нам распрощаться с удобствами Сибирского экспресса; мы почувствовали, что находимся на войне, где подчас приходится терпеть лишения и самому о себе заботиться. Продовольственная часть была скверно поставлена; хотя в путеводителе на многих станциях и значились буфеты, но на деле их не оказалось, так как железнодорожная администрация назначила непомерно высокие арендные платы, и никто буфетов не снимал.

Петербургские подарки пришлось кстати. Окрестные крестьяне приносили хлеб, яйца, яблоки, что служило дополнением к нашему столу. Впоследствии на каждой станции были отведены особые помещения, где выдавался кипяток, что давало возможность во всякое время сварить себе чай. Такая мера оказалась очень целесообразной. На ночь наш багаж переносили

в третий класс. Русские вагоны особенным образом устроены: спинки сидений на ночь поднимаются, заменяя собой постели. Оба скандинавца расположились сверху, мы же улеглись на нижних сиденьях. Таким образом, нам удалось недурно устроиться. Подушки и сиденья были до невозможности грязны, но я завернулся в свою бурку и отлично проспал ночь. Удивительно, что нас не беспокоили насекомые, три категории которых мучили почти всех остальных пассажиров. Утром обнаружили большие неудобства. Во всем вагоне была только одна страшно грязная уборная. Кому не хотелось вставать очень рано, тому приходилось становиться в очередь в коридоре вагона, так как каждый из 24 пассажиров нашего вагона старался попасть первым к крану. Состав нашего общества в общем изменился. Отсутствовали только купцы и прекрасный пол, исключая одной дамы, жены горного инженера, которая следовала за мужем во Владивосток. Нам от души ее было жаль, так как ей с мужем и еще двумя генералами пришлось поместиться в одном общем отделении.

Настроение пассажиров было довольно весело. На одной маленькой станции, где поезд долго стоял, нашелся субъект с арфой, под музыку которой был устроен импровизированный бал. Доктор, прививавший оспу, проплясал «казачка». В конце концов был исполнен по всем правилам искусства «кэк уок», в котором принял участие негр.

О событиях на театре военных действий мы знали очень мало, почти ничего. На станциях можно было купить газеты под названием «Губернские ведомости», издававшиеся в больших городах Сибири, но в них давались сведения, угодные губернским властям. Из телеграмм мы узнали, что две попытки японцев заградить вход в порт-артурский рейд брандерами потерпели неудачи. Насколько же войска подвинулись вперед на театре военных действий, мы не могли узнать. Мы знали, что западнее Байкала войска находятся еще на местах мобилизации, но мы были совершенно уверены в том, что находящиеся к востоку от Байкала резервные и казачьи войска давно уже отправлены в Маньчжурию, тем более что мобилизация их началась 10 февраля, т. е. семь недель тому назад. Каково же было наше удивление, когда мы в Верхнеудинске и Чите увидели солдат 1-й Сибирской пехотной дивизии, которая в первую голову должна была отправиться на театр военных действий. От них мы узнали, что полки этой дивизии еще не выступили. Офицеры, к которым мы обратились за разъяснением, ответили нам то же, что пришлось уже не раз слышать в Петербурге: «Куда нам торопиться? У нас еще много времени до начала военных действий!»

Тогда только я окончательно убедился в том, что война не так скоро окончится. Забайкальские запасные казачьи полки также еще не находились в Маньчжурии, но по крайней мере собирались туда отправиться. Один есаул 2-го Верхнеудинского-Забайкальского казачьего полка на станции Петровский Завод сказал нам, что его полк на следующий день двинется на Хайлар, где формировалась дивизия Ренненкампа.

Местность восточнее Байкала очень красива.

Путь проходит в речной долине между лесистыми отрогами гор. Далее дорога идет в гору. Здесь виден туннель с надписями с одной стороны: к «Атлантическому океану», с другой же к «Великому океану». Начинается Забайкальская степь. На большое расстояние кругом не видно ни деревень, ни домов. Эта бесплодная степь едва в состоянии прокормить своих немногочисленных жителей. Стали встречаться буряты – предвестники желтой расы, с которой нам предстояло ближе познакомиться. Казачьи войска Забайкалья частью набирались из номадов. Впоследствии нам рассказывали в виде анекдотов о том, что эти «русские войска», чистейшего монгольского типа, не говорившие ни слова по-русски и щеголявшие к тому же в японских желтых шапках, принимались часто своими европейскими собратьями за врагов. В Страстную пятницу 1 апреля мы прибыли на станцию Маньчжурию, начальный пункт Восточно-китайской железной дороги, по которой тогда не было движения пассажирских поездов. К началу войны эта станция приобрела огромное значение. Как из земли вырос здесь город; здания частью не были еще закончены, частью же представляли из себя какие-то деревянные бараки. Вокзал

также не был закончен; буфет и канцелярия начальника станции помещались в деревянном сарае. Продажа билетов и прием багажа производились в небольшой квадратной будке. Видя все это, приходилось только удивляться умению русских найтись в подобных тяжелых условиях. Нужно сказать, что мы телеграммой заранее известили о нашем приезде начальника станции, к которому имели рекомендательные письма из Петербурга. Благодаря им мы со следующим воинским поездом могли отправиться дальше, взяв билеты до Мукдена. Вещи свои мы сдали в багаж. На вокзале царило большое оживление. Оба батальона, которые мы встретили на Байкале, только что прибыли. Между солдатами шныряли китайцы и торговцы; здесь же находились сестры милосердия и офицеры всех родов оружия. Каждый заботился о том, чтобы достать себе билет на дальнейший проезд. В гостинице «Дальний Восток» нас накормили прескверным обедом. Впервые мы выпили здесь американского пива по рублю за бутылку. Когда впоследствии прекратился подвоз пива со стороны Америки, в торговле появилось мюнхенское и датское пиво. Со станции Маньчжурии нам и двум нашим скандинавским товарищам отвели купе первого класса. Наш вагон, в котором кроме нас находилось два австрийских офицера, два судейских генерала, инженер с женой, – и еще четыре вагона второго и третьего класса были прицеплены к воинскому поезду, в котором отправлялись две роты 3-го батальона 10-го восточно-сибирского стрелкового полка. Поездная прислуга состояла из солдат 2-го приамурского железнодорожного батальона.

Поездка до Мукдена должна была продлиться четыре с половиною суток. Чем ближе мы подъезжали к театру военных действий, тем больше возрастало наше любопытство. Мы многое слышали о нападениях хунхузов на железную дорогу. Одна такая шайка под предводительством переодетых японских офицеров пыталась взорвать мост через Сунгари. Движение на железной дороге было безукоризненное. На всех станциях находилась пограничная стража. В мирное время подчиненная Министерству финансов, а теперь причисленная к армии, она с 1903 года постоянно увеличивалась: численность ее к началу войны доходила до 24 000 человек; она разделялась на бригады, состоявшие из конницы и пехоты. К ней же относилась и конная горная артиллерия. Теперь она охраняла Восточно-китайскую железную дорогу. Каждая сотня должна была охранять свой участок в 60 верст в обе стороны по пути железной дороги. Пехотные посты в 10 человек были расположены через каждые 5 верст, а на больших станциях они состояли из 80 человек. Мосты же были заняты солдатами всех родов оружия и даже артиллерией. Все эти посты помещались в землянках, на больших же станциях – в казармах. Так как мы ехали в воинском поезде, то не могли обгонять другие транспорты и таким образом определить, какие войска перевозились по этой дороге. Зато тем лучше мы могли изучить тех, с которыми пришлось ехать; это были бодрые безобидные парни, в глазах которых светилось добродушие. Большинство солдат состояло из добровольцев. Эти люди доверчиво шли навстречу неизвестной судьбе. Бог знает, кто из них вернулся на родину. Здесь мы наткнулись на неожиданность. Три роты этого батальона были взяты из 9-й пехотной дивизии, одна из 31-й дивизии, т. е. из тех дивизий 10-го армейского корпуса, который первым из европейских корпусов был назначен на театр войны.

Для образования новой 7-й и 8-й восточно-сибирской стрелковой бригады были взяты отдельные роты из того же корпуса, Россия, кажется, имела достаточно войск; совершенно не было необходимости ослаблять те корпуса, которые непосредственно должны были следовать на восток. Это одна из тех многочисленных ошибок этой войны, которые обошлись России очень дорого.

Начальник транспорта пользовался всяким удобным случаем, чтобы доставить солдатам, бывшим в дороге уже более месяца, побольше движения. Недалеко от Цицикара им приказано было высадиться из вагонов. Как дети бегали взапуски и играли эти молодые воины. Во время игры один стрелок по фамилии Сухомский потерял свой кошелек с десятью рублями; дали сигнал к отъезду, и искать его не пришлось. Капитан подарил ему часть этих денег, и мы при-

бавили, чтобы дополнить потерю. На следующей станции офицер этой роты вернул нам деньги; оказалось, что Сухомский нашел свой кошелек.

Этот маленький случай сблизил нас с офицерами. Они произвели на нас прекрасное впечатление; большинство из них меня знало, так как видели меня с генералом Драгомировым в лагере под Чугуевом. Но не одни военные возбуждали наш интерес; начиная со станции Маньчжурия, мы ехали по стране китайцев. На всех станциях, в особенности в Цицикаре, толпились возле нашего вагона китайцы-нищие, калеки и здоровые, старики, женщины и дети. Они бросались на колени, крестились, хотя и были язычниками, и просили милостыни; это была отвратительная картина! До Харбина мы почти не видали китайских поселян, так эта страна пустынна и бедна. Ни деревни, ни селения. Только изредка попадались отдельные землянки.

2 апреля проехали мы вновь открытый и не совсем еще законченный Хинганский туннель. Он был освещен электричеством. У обоих входов стояли орудия.

Проехав Хинганское нагорье, мы опять спустились в пустынную однообразную степь. Во многих местах горела подожженная трава. По ту сторону Харбина картина меняется. Обе южные провинции Маньчжурии, Гиринская и Мукденская, по плодородию не уступают самым богатым европейским землям. Хотя на полях еще не начались работы, все-таки видно было по хорошо одетым и сытым китайцам, что мы находимся в богатой стране. Восточно-китайская железная дорога устроена прекрасно. Видно было, что для нее не жалели денег. Красивые вокзалы, выстроенные в китайском стиле, крыши, украшенные драконами и чудовищами, выложенные пестрым кирпичом. На каждой станции было много каменных зданий для чиновников и инженеров, так что иногда станция производила впечатление городка, не говоря уже о Харбине, который обратился в большой русский город. Все больше мы убеждались, что русские никогда не собирались уходить из этой страны, да и не могли уйти. Не стали бы они тратить миллионы, чтоб потом все бросить. К этому мнению мы пришли еще в Бухеду, лежавшем на полдороге к Хайлару и Цицикару. Здесь вырос город со множеством зданий, церквей, казарм и других помещений. Масса строительного материала указывала на то, что еще многое осталось достраивать. Мы точно очутились в предместье Берлина. Вокзал в Бухеду был так велик, что в буфете могло поместиться более 1000 человек. Там кормили ежедневно до 2500 солдат. Этот продовольственный пункт был выстроен еще осенью 1903 года. На этой дороге нас кормили лучше, чем на Забайкальской. На каждую большую станцию китайцы приносили яйца, орехи, плоды, сигары и т. п. Только от молока и масла нам пришлось отказаться до конца войны; с этими продуктами китайцы совершенно незнакомы. 3 апреля мы прибыли в Харбин, с которым мы впоследствии ближе ознакомились.

На вокзале нас встретил представитель немецкого торгового дома Тильман, оказавший нам такое же гостеприимство, каким мы пользовались в Петербурге. На следующий день после отъезда из Харбина нам представилась на вокзалах своеобразная картина. Мы узнали, что батальон отправляется прямо на театр военных действий к Ялу и солдатам объявили, что они не могут взять сундуки свои с собою, а должны отдать их на хранение в Харбине. Солдаты, может быть и не без основания, опасались за целостность своих вещей и поэтому предпочли распродать их.

На более значительных станциях образовался род ярмарок. Смешно было видеть, как солдаты объяснялись знаками с китайцами, предлагая купить то сапоги, то носки, рубашки и т. п. Совершенно новые сапоги, в которых армия потом ощущала сильный недостаток, шли за бесценок. Китайцам они очень понравились, и к концу войны многие из них обзавелись ими.

В пасхальный понедельник мы проехали мост через Сунгари, у которого за день до этого произошло столкновение пограничной стражи с хунхузами. Мост этот охранялся одним батальоном, двумя сотнями и одной батареей. Все ближе и ближе подъезжали мы к цели нашего путешествия. 4 апреля мы на 2½ часа остановились в Гунжулине, где администрация выстроила для железнодорожных служащих большую больницу, которая во время войны оказала

армии большую услугу. Что война окончится именно здесь, мы и не предполагали. Отсюда местность становилась разнообразнее. На востоке параллельно железной дороге тянулась горная цепь. Деревня за деревней, селения, пагоды мелькали перед нами, как в калейдоскопе. В Телине мы впервые увидели «рикшу», который насильно нам навязывался. Еще одна, двухчасовая остановка, и, наконец, в час ночи после восемнадцатидневного путешествия достигли мы Мукдена, столицы Маньчжурии.

Глава III В главной квартире штаба и у главнокомандующего

Условия командования на театре военных действий были в начале войны своеобразны и не совсем понятны. Настоящим главнокомандующим был безусловно генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант Куропаткин. Это был тот человек, на которого были обращены все взоры, от способностей и деятельности которого зависел исход войны. Для той трудной задачи, которая ему была предложена, требовалась самостоятельность и полная свобода действий. Но именно в этом он был в высшей степени ограничен, будучи подчинен на Дальнем Востоке, главнокомандующему всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии, адмиралу Алексееву. Впоследствии на это обстоятельство пытались свалить причину поражений, утверждая, что наместник настаивал на некоторых военных операциях против воли Куропаткина, как это было при Вафангоу, или при Шахэ, когда Алексеев отказал в войсках. Это предположение не находит доказательств, оно частью даже противоречит фактам; но что подчинение адмиралу Алексееву командующего войсками давало повод к столкновениям, – это ясно.

Наместнику, вице-королю, как называли его некоторые лица, были подчинены: 1) командующий Маньчжурской армией – генерал Куропаткин, 2) командующий Уссурийской армией – генерал Линевиц, 3) командующий тылом армии – генерал Волков и 4) флот под начальством адмирала Макарова. Были ли находившиеся на Квантунском полуострове в Порт-Артуре соединенные войска под начальством генерала Стесселя причислены к Маньчжурской армии, или же находились под непосредственным начальством наместника, об этом ходили в главной квартире противоречивые толки. Это обстоятельство не было вполне выяснено, по крайней мере мы вынесли такое впечатление.

В ночь с 5 на 6 апреля прибыли мы в Мукден – местопребывание главной квартиры адмирала Алексеева. Нас встретил казачий ротмистр, граф К. из штаба Алексеева, и провел до железнодорожного вагона, в котором жил наместник. Нам отвели маленькое элегантное помещение с электрическим освещением, и, о наслаждение, мы нашли там чистое постельное белье. Уже утро наступило, когда вынесли наш багаж, и нам оставалось несколько часов поспать. Зато какое удовольствие растянуться на удобном ложе после 18-дневного путешествия и 10-дневного пребывания вчетвером в маленьком отделении.

Странно было, что в этой войне высшее начальство так долго находилось при железной дороге, и большею частью жило в вагонах. К концу войны каждый командующий армией имел свой поезд, состоявший из салона, буфета и отдельных вагонов для всего своего штаба и канцелярии. Поезда эти стояли в стороне от станций, на особых путях. Это давало возможность по мере необходимости и не прерывая работы передвигать главную квартиру без особых приготовлений. Без сомнений очень было удобно для штаба армии помещаться в таких передвижных домах. Но такая возможность могла представиться только в этой войне, в которой главные военные операции происходили в направлении железнодорожного пути сперва при наступлении, потом и при отступлении.

На утро нашего приезда мы, шесть иностранных офицеров, были приняты наместником в его элегантном вагоне-салоне. Алексеев принял нас очень любезно и обещал свою поддержку в исполнении наших задач. Нам разрешили осматривать все, что угодно. Пока еще ничего не ожидалось, и нам предложили остаться здесь в качестве гостей наместника. Впоследствии мы могли поехать в Порт-Артур, который в данный момент нас больше всего интересовал. Адмирал производил впечатление человека очень любезного, добродушного, почти робкого.

В качестве провожатых нам назначили генерала для особых поручений Козлова, известного нам еще по Петербургу, и вышеупомянутого казачьего офицера. После приема у намест-

ника мы представились генералам главной квартиры штаба, которые жили частью в вагонах, частью в домах.

Станция «Мукден» находится от китайского города на расстоянии получаса ходьбы. Недалеко от станции находится огромный надгробный памятник – признак близости Мукдена. Между этим памятником и вокзалом, как и около большинства значительных станций Восточно-Китайской железной дороги, образовался русский город. Он состоял большей частью из одно- или двухэтажных каменных зданий, назначенных первоначально для помещенных чиновников. Они несколькими рядами замыкали большой четырехугольный плац; возле них находились большие казармы железнодорожной охраны.

В одном из больших зданий помещалось собрание, украшенное флагами национальных русских цветов, куда стекались на обед до ста офицеров штаба главной квартиры, исключая наместника и начальника штаба. Здесь мы ближе познакомились с офицерами. Начальником штаба был генерал-майор Жилинский. Остальные носили «чисто русские» фамилии: генерал-квартирмейстер генерал-майор Флуг, дежурный генерал, генерал-майор барон Клод, начальник морского штаба контр-адмирал Виттефт, генерал Нидермиллер и полковник Миллер.

От первой встречи с наместником мы вынесли впечатление, как будто нас пока не желают допустить к армии и удерживают в Мукдене, но вскоре мы убедились, что это были только любезность и гостеприимство со стороны наместника. Как мы ни были благодарны, все-таки какая-то сила тянула нас вперед на арену предстоящих событий. Поэтому мы постарались добыть разрешение наместника отправиться на второй день Пасхи в Ляоян к генералу Куропаткину, явиться ему, а затем далее в Порт-Артур. Шесть дней, оставшихся до отъезда, прошли очень приятно и многому научили нас. Главное было для нас узнать положение дел на театре военных действий. Из разговоров с офицерами узнали мы, что здесь, в главной квартире наместника, смотрят более оптимистически, чем в Петербурге и даже чем в штабе Куропаткина. Здесь высказывалось мнение, ничуть не умаляя достоинства противника, что японцы прозевали удобный момент и что теперь достаточно войск, чтобы отразить нападение в Маньчжурии. Уклонение от этого нападения или отступление на север до прибытия войск считали неправдоподобным. Здесь мы узнали, что постоянным прибытием новых войсковых частей пополнялась Уссурийская армия. Обе бригады 31-й и 35-й пехотных дивизий с артиллерией, 1-я и 6-я восточно-сибирские стрелковые бригады, кроме того, казачьи войска были доставлены железной дорогой от Владивостока через Харбин в Маньчжурскую армию. Этим же объясняется, почему западнее Байкальского озера замедлилось передвижение войск.

В течение первых дней нашего пребывания в Мукдене проследовали на юг последние три батальона стрелковых полков; за ними следовали четвертые батареи стрелковых артиллерийских бригад, которых мы обогнали западнее Байкала. В самом Мукдене находился для защиты главной квартиры 23-й восточно-сибирский стрелковый полк (из 6-й стрелковой дивизии). В течение последующих дней его должна была сменить первая сибирская дивизия.

В Мукдене находился также великий князь Борис Владимирович, второй сын великого князя Владимира Александровича. Мы посетили его в первый день нашего пребывания. На второй день прибытия мы были у наместника в вагоне-салоне, вместе с великим князем, всеми генералами и братом сербского короля Арсением Карагеоргиевичем и мн. др. Наместник пригласил нас завтракать. Мой сосед за столом, начальник дипломатической канцелярии Алексеева, Плансон рассказал мне, что отношения с Китаем, в особенности с китайским правительством, прекрасны и что вмешательство последнего в пользу Японии мало вероятно. В Страстную субботу (с 9 на 10 апреля) мы были вторично приглашены к наместнику. Пусть говорят про службу православной церкви что угодно, но на меня лично произвело сильное впечатление, когда священник со свечой в руках объявил прихожанам: «Христос Воскресе!» Впечатление было тем большее, что это происходило среди языческого народа далеко от родины.

После службы наместник пригласил нас со всеми офицерами главной квартиры к пасхальному столу, который был поставлен в одном доме, находящемся недалеко от поезда. Алексеев при первом же приветствии выразил свое сожаление по поводу болезни императора Вильгельма и сказал, что с радостью прочел сейчас телеграмму о том, что его величество опять курит. Хотя мы были гости наместника, но разговлялись в собрании. Обращение было простое, но дружеское. Несмотря на то, что был праздник, почти совсем не пили. В понедельник в собрании во время завтрака и обеда играла музыка. В то время еще очень любили «Гейшу» и повторяли ее беспрестанно. И только впоследствии нашли в ней что-то враждебное. Раздавались также звуки венского вальса, переносящие нас на родину. В понедельник вечером нас пригласили офицеры Генерального штаба. Произносилось много речей, в которых, между прочим, выражались симпатии германской армии. Наши любезные провожатые заботились также о том, чтобы мы успели осмотреть город Мукден и его окрестности. Первый же день после обеда мы посвятили осмотру города. Нас сопровождали прикомандированные к нам офицеры и четыре казака. Это было, вероятно, впервые, что офицеры иностранных армий, исключая русской, проезжали ворота древней столицы императоров. Приблизительно через двадцать минут езды достигли мы предместья, которое кольцом окружает город и обнесено стеною. Центр города – огромная квадратная площадь – также окружена стеною и отстоит почти на 1½ километра от наружного кольца. Со всех четырех сторон находятся высокие, но узкие ворота. О числе жителей Мукдена мнения расходятся. Русское правительство считает 400 000 человек. В общем, по внешнему виду и уличной жизни один китайский город очень похож на другой. Смешение китайского и русского элементов придавало китайским городам, в особенности Мукдену, какой-то своеобразный оттенок. Перед магазинами с огромными вывесками и бумажными фонарями, которые представляли род реклам, толпились русские офицеры и солдаты в высоких папах. Отношения между русскими и китайцами казались хорошими. Русский солдат считал китайца равным себе, работал с ним вместе и обращался с ним по-товарищески. Мне случалось видеть, как русский солдат в драке с китайцем был им побит, а прочие солдаты с наслаждением смотрели на это зрелище, не заступаясь за своего. Тут дрались, тут же и мирились. Были ли эти отношения искренними – это другой вопрос. Китайскому земледельцу в Маньчжурии приходилось во время войны очень плохо, зато городскому жителю жаловаться было не на что. Никогда китайским купцам не удавалось столько наживать, как в течение этой войны. Они сумели воспользоваться случаем. Русские же платили наличными, и платили хорошо.

Продавцы в больших магазинах производили впечатление интеллигентных людей. Удивительно быстро китайцы изучали русский язык, хотя и получалось странное наречие из русских и китайских слов. Самым употребительным словом было «шанго», что означает «хорошо» или «шибко шанго» – очень хорошо. «Капитан шанго» – хороший капитан, кричат на улицах нищие. «Шибко шанго» приветствует китайский купец входящего к нему в магазин офицера, расхваливая свои товары. Своеобразным ругательным словом было «машинка», что по-русски означало «мошенник». Если купец запрашивал тройные цены, его ругали мошенником, а он отвечал: «Мой не машинка, мой честный человек». Второе слово, которое никем пользовавшимся в Маньчжурии, вероятно, не забудется – это «ломайло» – от русского: ломать. Всякая испорченная вещь, каждое существо, переставшее жить, – это «ломайло». Китаец, стоя перед своим разрушенным домом и опустошенным полем, печально говорил: «Ломайло!» – «Солдат ломайло» – это военный врач. Сражение называлось: «большой ломайло». Это слово так вкоренилось, что даже русские солдаты накануне битвы говорили: «Завтра будет большой ломайло». Возвратимся теперь к описанию Мукдена. В его узких улицах толпятся русские солдаты. Рядом с «рикшами» катятся русские тройки, провиантные повозки и пушки. Далее движется русская пехота, впереди которой идет китайский полицейский, расчищая ей место. Из окон китайские красавицы рассматривают с любопытством солдат в папах. Вот едет китаец на осле; ноги его

почти касаются земли. Его обгоняет казак, стоя на стремянах. Там лежит почти голый калека-китаец, беспрестанно ударяясь головой о землю и прося милостыни. Добродушные русские солдаты бросают ему медные монеты. Кавказец в длинном коричневом кафтане с кинжалом за поясом бреется у уличного парикмахера. Пестрая, на каждом шагу меняющаяся картина! При всем этом оглушительный шум от крика рикш, говора людей, рева ослов, команды войск, грохота телег – поистине вавилонское столпотворение.

Мукден был местопребыванием китайского генерал-губернатора, который существовал только для проформы; на самом же деле вся власть находилась в руках русского полковника Квицинского. Его же мы прежде всего и посетили. Сопровождаемые его интеллигентным толмачом, китайцем Василием Ивановичем, посетили мы замок царей Маньчжурской династии. Китайская стража отдала нам честь. Солдаты большей частью были вооружены немецкими старинными ружьями. Нас встретили дворцовые чиновники, и любезный Василий Иванович, говоривший прекрасно по-русски, служил нам переводчиком. Некогда великолепный дворец в своем полуразрушенном состоянии производил печальное впечатление. В нем находятся большие сокровища, целостность которых гарантирует русское правительство. Сперва нам показали библиотеку, в которую можно пройти с опасностью для жизни через деревянную галерею. Она состоит из ценных китайских рукописей, истории Маньчжурской династии. Говорят, что во время войны ее перевезли в Пекин. Далее, в двух длинных зданиях находятся сокровищницы. Многочисленные тяжелые двери не только замкнуты, но и запечатаны. Говорят, что в этих сокровищницах хранятся огромные богатства и редкости. После долгих пререканий чиновники решились наконец открыть нам одну из дверей. Мы очутились в длинном темном помещении, стены которого были уставлены высокими и широкими шкафами. Опять начались переговоры. После того, как переводчик объяснил чиновникам, что мы иностранные офицеры, они открыли один шкаф, содержащий, вероятно, самые бесценные вещи: несколько красивых сосудов и ваз. Остальные шкафы открыть они не решались, опасаясь, вероятно, возбудить в нас алчность. Так лежали, и теперь, вероятно, лежат эти сокровища, ничей не радуя взор. При уходе из замка, впрочем, довольно любезные чиновники подарили нам по ветке, которые должны были уберечь нас от дурного взгляда и колдовства.

Вторичного нашего путешествия в город мы никогда не забудем. Тут мы узнали, какое значение имеет в Маньчжурии небольшой дождь для передвижения вообще, а для военных операций в особенности.

Наши русские проводники заказали через Василия Ивановича завтрак в китайском ресторане. К ужину мы были приглашены к русскому полковнику, жившему в центре города.

До этого дня стояла сухая, благоприятная погода. Дороги были твердо утоптаны и пыльны. Утром этого дня пошел небольшой дождь, постепенно превратившийся в сплошной ливень. В полдень мы, шестеро иностранных офицеров, разместившись в фудутунках, поехали с русскими проводниками в город. Поездка в этих гробах, где приходится сидеть с вытянутыми ногами, сама по себе не может доставить никакого удовольствия. Единственная открытая передняя сторона повозки заслоняется спиной кучера, который сидит впереди на доске, опустив ноги вниз. К тому же в тот день дождь настолько успел размывать дороги, что колеса поминутно глубоко погружались в грязь; это обстоятельство делало поездку еще более неприятной. Каждую минуту можно было ожидать, что ящик наш опрокинется. Однако мы благополучно достигли Мукдена.

Китайские обеды так часто описывались, что я не стану о них распространяться. Скажу только, что в общем нашел их отвратительными. Китайский хлеб, старые яйца, лежавшая, может быть, с год, курятина, плоды, засахаренные орехи и миндаль – вот китайские блюда. Из особенных блюд я упомяну о супе из гнезд ласточек, о жареных мозгах, о каком-то кушанье из древесных наростов, из плавников акулы и о морских улитках. Особенно отвратительными на вкус показались нам древесные наросты и улитки. Из любопытства я рискнул откусить от

жирной спинки улитки, но этого уже было вполне достаточно. Недурно были приготовлены старые яйца, курятина и утка. Пить давали «ханшин», желтый напиток из хлебных злаков. Пение китайского хора во время обеда уменьшало и без того неважный аппетит, напоминая собой завывание кошек. Стоявшая недалеко от меня главная певица так возвышала голос, что совершенно отбила у меня всякую охоту есть.

Между тем дождь настолько усилился, что не было никакой возможности вернуться домой.

Некоторое время мы ходили по главным улицам и очень обрадовались, когда наступил вечер и мы могли отправиться к полковнику, где водка и борщ совершенно восстановили наши силы. Но наша радость была непродолжительна. Стало ужасно темно, а дождь не прекращался. Рикши не могли двигаться по этой грязи. Пришлось послать за фудутунками, но китайцы отказались ехать. Полковник послал за двумя двуколками, на которых мы и отправились домой. Двуколки – это открытый ящик на колесах, впереди которого подвешено сиденье; на нем сидит солдат в полной амуниции с ружьем. Поручик Лаунштейн и я должны были расположиться лежа. Восхитительное положение! На наших ногах топтался кучер, при каждом толчке нас подбрасывало вверх, сверху же обильно поливало дождем. В черте города путешествие обошлось еще без особых приключений. Несколько тусклых фонарей освещали дорогу. Но как только городские ворота закрылись за нами, нас окружила непроглядная темень. Двуколка погружалась в грязь по самую ось. Каждую минуту мы рисковали опрокинуться. Лошадь ехавшей впереди нас двуколки завязла по живот и не могла выбраться. Мы бы хотели проехать мимо, но также завязли. Но помощь приближалась. Два русских офицера следовали за нами в закрытом экипаже с казаками и фонарями впереди. Наша двуколка была вытянута из грязи, вторую пришлось оставить. Мы подвинулись несколько вперед, и новое несчастье: лопнула рессора экипажа, который мы также принуждены были бросить. Пришлось отправиться пешком, рискуя ежеминутно завязнуть в грязи, и только к трем часам утра достигли мы лагеря, совершенно залитого водой. В три с половиной часа мы прошли расстояние, для которого при обыкновенных условиях требовалось не более двадцати минут. Половину наших экипажей мы потеряли, и это на главной дороге, соединяющей город с вокзалом. Таким образом мы получили некоторое понятие о состоянии дорог во время дождя. Русские же были рады тому, что подтвердилось их мнение о невозможности военных операций во время дождей.

11 апреля после шестидневного пребывания в Мукдене мы хотели двинуться дальше и явились к наместнику заявить ему об этом. Но так как прибыли военные агенты англо-индийской армии, то наместник просил нас остаться на один день и еще раз с ним отзавтракать. Прибывшие английские товарищи были генерал Герарт, истый джентльмен, который пользовался нашим глубоким уважением до своей смерти, последовавшей за два месяца до конца войны, и полковник Ватерс, состоявший много лет военным атташе в Берлине.

Последний день нашего пребывания в Мукдене мы посвятили осмотру императорской гробницы, находившейся к западу от Мукдена. Окруженная кедрами гробница – великолепнейший памятник строительного искусства в окрестностях Мукдена. Она состоит из нескольких окруженных храмами дворов, в которые ведут прекрасные ворота. В последнем дворе находится могила, лишенная всяких украшений. Другие императорские гробницы, менее величественные, лежат севернее Мукдена у Фулина. Русские уважали святость гробниц. Их охраняла китайская стража, а потом и русские солдаты. Войскам было строго запрещено брать дрова из ближайших рощ. Вблизи императорской гробницы, севернее Мукдена проходит железная дорога. Потребовалось много времени, пока китайское правительство дало свое согласие на это. Русское военное начальство так уважало религиозные чувства населения, что даже в то время, когда войска находились у Мукдена, избегали сражения вблизи этих гробниц, опасаясь, что такое нарушение покоя древних императоров может вызвать восстание в Мукдене. Когда же в марте 1905 года в сражении под Мукденом японские гранаты попадали

в гробницу и бой происходил в самом святилище, китайцы совершенно равнодушно смотрели на это.

В ночь с 12 на 13 апреля после четырехчасовой езды мы прибыли в Ляоян. Каждый из нас имел по пол-отделения первого класса, которое в будущем должно было служить нам жилищем. Постельного белья, которое нам давали в Мукдене, здесь не было. Как уже сказано, нашим намерением было явиться генералу Куропаткину и испросить у него разрешение на поездку в Порт-Артур. В Ляояне мы были встречены прикомандированным к нам полковником Генерального штаба графом Игнатьевым. Наш вагон отцепили и передвинули на боковой путь. Когда мы на следующее утро, уже готовые, собирались явиться к генералу, мы услышали, что генерал только что уехал на позиции. На позиции? Ведь они могли находиться только на расстоянии больше двухсот километров от Ляояна. Но нам объяснили, что это ляоянские позиции, которые главнокомандующий объезжает. Хотя мы и не поняли, что хотели сказать «позициями у Ляояна», тогда как враг находился еще в Корее, все же были рады, что Куропаткин не поехал на Ялу и вернется через несколько часов. Он ездил на большой серой лошади, окруженный своим штабом и эскадроном казаков. Один из них держал флаг с надписью: «Главномандующий маньчжурской армией». Генерал Куропаткин встретил нас очень любезно, но на нашу просьбу разрешить поездку в Порт-Артур ответил просьбой остаться дня на два в Ляояне. Потом нам будет представлена полная свобода осматривать что угодно. «Надо вооружиться терпением», – сказал генерал, так как в ближайшем будущем не предстоит ничего решительного, нужно пока выждать, двинутся ли японцы на Ялу вперед или высадятся у Инкоу. Итак, patience, patience!!!¹

Откладывание нашей поездки привело к тому, что мы совершенно не увидели Порт-Артура. В первый же день пребывания нашего в Ляояне, как только я улегся спать, меня разбудил стук в двери. Вошел граф Игнатьев, бледный от волнения. «Барон! Мне надо сообщить вам важное известие. Только что пришла телеграмма с известием, что „Петропавловск“ наткнулся на мину и вместе с адмиралом Макаровым и всем экипажем пошел ко дну; великий князь Кирилл Владимирович спасен, но ранен». Гибель флагманского броненосца «Петропавловск», а главным образом смерть Макарова, на способность и энергию которого так рассчитывали, были ужасным ударом. Мы невольно подумали: «Если бы некоторые обстоятельства не задержали нас, мы бы отправились в Порт-Артур и в день гибели „Петропавловска“ должны были явиться Макарову; наш друг Верещагин, уехавший из Петербурга за несколько дней до нас, погиб на броненосце». На следующий день в православной церкви предместья Ляояна была отслужена торжественная панихида по всем морякам, погибшим на «Петропавловске». Нас просили отложить поездку еще на несколько дней; но к этому времени прибыло много иностранных офицеров, и мы скоро заметили, что посещение всеми нами крепости было главнокомандующему нежелательно. Таким образом, пришлось отказаться от поездки в Порт-Артур. Напрасно мы старались проникнуть к впереди расположенным войскам; не было лошадей и повозок. Пришлось снова выжидать. «Терпение, терпение!» – слышали мы ежедневно по-русски и по-французски. Еще целый месяц пришлось мне пробыть при главной квартире в Ляояне. Зато мы находились на театре военных действий, и здесь можно было услышать и увидеть много поучительного. Ляоян состоял, как и все остальные станции Восточно-Китайской железной дороги, из окружающего вокзал русского предместья, в котором жили чиновники, инженеры, чины пограничной стражи и другие, и окруженного стеной китайского города. Между русским предместьем и китайским городом находилась полуразрушенная «корейская башня», построенная много веков тому назад каким-то корейским императором. Пагоду окружал сад; несколько надгробных китайских памятников указывали на то, что место это служило клад-

¹ Генерал говорил с иностранными офицерами на общепринятом французском языке, а с нами, немцами, иногда и по-русски.

бищем. В этой безлесной местности самое незначительное деревцо радует человека. Дома в русском предместье частью были еще не закончены, и между ними двухэтажный дом вблизи вокзала, назначенный для иностранных офицеров. До окончания постройки дома мы остались жить в нашем вагоне, но вскоре для всех нас не хватило места и пришлось прицепить второй, так как сюда стекались со всех частей света военные агенты иностранных армий. Спустя несколько дней прибыл итальянский лейтенант Камперио, с которым у нас завязалась живейшая дружба. Позже прибыли французская и испанская миссии, три американских офицера, один майор англо-индийской армии, два швейцарца, один чилиец и, наконец, мой приятель, болгарский поручик Пападонов, который до своей болезни в январе 1905 года делил со мной и радости и горе. Случилось как-то, что во время прибытия французской миссии я один только был на вокзале и встретил французских товарищей, во главе которых стоял генерал Сильвестр. Впоследствии в течение войны иностранные офицеры постоянно посещали друг друга. Прибыли еще датчане, румынцы и аргентинцы. Некоторых сменили потом новые офицеры, так что до конца войны из прежних остались оба австро-венгерца, двое французских офицеров, итальянец, и нас двое немцев. Отношения между нами были самые дружеские. Особенно сошлись мы с французами. Пока мы состояли при главной квартире, мы как бы считались гостями главнокомандующего.

Покинув ее, мы должны были заботиться о себе сами. В Ляояне мы обедали вместе с французскими офицерами в железнодорожном буфете. В начале мая нам дали отдельный вагон-буфет, служивший нам до конца войны и сопровождавший нас также при обратной поездке в Петербург. Нам оказали чисто русское гостеприимство. Духовная же пища, которую нам предлагали, была довольно жалка. Нам часто не давали никаких сведений о войне, и иностранные офицеры нередко выражали по этому поводу свое неудовольствие. Я лично не могу пожаловаться, мои симпатии к русским были всем известны, и я пользовался сравнительно большим доверием. Впоследствии мне и Пападонову давали все желаемые сведения. Неприятно быть окруженными безответственными любопытными зрителями. С другой же стороны, положение военного атташе во время войны нелегкое: все узнать и никому не быть в тягость – задача довольно трудная. В общем, можно уверенно сказать, что каждый прикомандированный к иностранной армии симпатизирует последней, а раз это так, то чувствуешь благодарность за каждое проявление доверия с ее стороны.

Генерал Куропаткин жил в Ляояне в железнодорожном поезде, так же, как и начальник штаба и генерал-квартирмейстер. Около полотна железной дороги был выстроен для него дом. Туда перевели только канцелярию. Генерал же предпочел остаться в своем передвижном доме. Офицеры штаба также жили в этом поезде. Кстати замечу, что Куропаткин строго запретил три вещи: шампанское, женщин и игру. Наряду с генералом Куропаткиным, обладавшим удивительной трудоспособностью, во все самому входившему, подвижному и деятельному, все офицеры штаба как-то ступшеывались. Начальником своего штаба Куропаткин избрал командира первого сибирского корпуса, генерал-лейтенанта Сахарова. В армии предполагали, что пост этот займет генерал-лейтенант Сухомлинов, командующий войсками Киевского военного округа. Но он, кажется, не согласился его занять, не будучи знаком ни с театром военных действий, ни с особенностями японцев.

Генерал-квартирмейстером был генерал Харкевич, впоследствии начальник штаба при главной квартире маньчжурской армии. По прибытии из Европейской России третьих батальонов стрелковые бригады были преобразованы в дивизии, артиллерия была также совершенно преобразована. Восточно-сибирские артиллерийские бригады, не имевшие никакой связи со стрелковыми бригадами, были упразднены; из них образовали стрелково-артиллерийские части по три батареи в каждой и присоединили к стрелковым бригадам. По прибытии из России 4-х батарей эти части были преобразованы в стрелково-артиллерийские бригады.

Все находившиеся на Дальнем Востоке войска были распределены между двумя армиями Маньчжурской и Уссурийской. В Маньчжурии, как и на Квантунском полуострове, находилось до начала войны только 5 стрелковых дивизий. Войска эти были усилены тремя дивизиями из Уссурийской армии, а именно 1-й и 6-й восточно-сибирскими стрелковыми дивизиями, и бригадами, по одной из 31-й и 35-й пехотных дивизий.

Артиллерия вышеназванных бригад прибыла в Ляоян только в конце апреля. В Уссурийском крае оставались лишь 3 полка 2-й и 8-й стрелковых дивизий в качестве гарнизона Владивостока, из Забайкальского казачьего войска было призвано 4 полка второй очереди. Эта вновь образованная Забайкальская казачья дивизия была сконцентрирована в Хайларе; впоследствии ее доставили по железной дороге в Ляоян, где она оставалась до конца апреля. Затем была мобилизована 1-я сибирская резервная бригада, вошедшая в состав 1-й сибирской пехотной дивизии, которая, однако, до сражения при Шахе не принимала активного участия в военных операциях – ее оставили для защиты северной Маньчжурии, заменив ею оставшиеся там части стрелковой дивизии. Если принять во внимание, что до конца апреля железные дороги были заняты передвижением находившихся уже в Восточной Азии войск, то невольно возникает вопрос, почему эти войска, расположенные южнее Владивостока в Уссурийском и Амурском краях, не были сконцентрированы у корейской границы, Забайкальская же и Восточно-китайская железные дороги не предоставлены для доставки войсковых частей из России. Можно подумать, что русские надеялись справиться с японцами без поддержки европейских корпусов. Всего было на Дальнем Востоке, до перехода японцев в наступление, 103 батальона, около 65 эскадронов и казачьих сотен и 288 полевых орудий. В каждом батальоне было 800 человек.

Таким образом, численный состав пехоты определялся в 82 500 штыков. Все эти войска были прекрасно подготовлены. Стрелковые так же, как и обе европейские бригады, имели численный состав военного времени, а потому для мобилизации их не требовалось запасных; третьи же батальоны были сформированы из лучших молодых солдат европейских войсковых частей. Менее хороша была кавалерия; исключая Приморского драгунского полка, она состояла из казаков, притом половина их принадлежала ко 2-й очереди. Было вполне понятно, что сибирские казачьи войска были мобилизованы в первую голову, тем более что в начале войны господствовало мнение, что европейская кавалерия не приспособлена к военным действиям на Дальнем Востоке. Можно было ожидать, что казаки во всех отношениях стоят выше японской кавалерии; последнюю почти все считали неважной. Но война показала, что организация казачества отжила свой век. В особенности это можно сказать про забайкальских казаков, которые никогда никем иным не были, как простыми хлебопашцами. Этим объясняется та незначительная роль, которую играла русская кавалерия в этой войне. Однако я должен сознаться, что казачья дивизия Ренненкамфа, которую мы почти ежедневно видели под Ляояном, поразила нас своей стройностью. Офицерский состав ее был превосходный: в него большею частью входили офицеры гвардейской кавалерии, переведшиеся сюда в самом начале войны. Имя же Ренненкамфа было известно во всей Восточной Азии. Если, тем не менее, забайкальская казачья дивизия, а также и другие казачьи войска не оправдали возложенных на них надежд, то это служит лишь лишним доказательством, что даже с хорошим вождем запасные кавалерийские части не соответствуют условиям современной войны. Преобразование полевой артиллерии закончилось к началу военных действий; были образованы новые части; старые полевые орудия уже после мобилизации заменены новыми скорострельными, с которыми некоторые батареи не производили еще испытания. Недоставало только гаубиц и горной артиллерии; чувствителен был недостаток особенно последней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.